

тщательно проработанной и с точки зрения субъекта-объекта, условий и целей, средств и методов его разнообразного применения.

С этой точки зрения в исследовании продуктов травелога применим, эвристически продуктивен дискурс-анализ, который ныне широко используется в социально-гуманитарном познании. По необходимости, в значительной степени приходится упрощать картину современного состояния дискурс-исследований, учитывая весьма широкий разброс вариантов методологии дискурс-анализа. Дискурсология – междисциплинарная предметная область и воодушевляется главным образом стремлением нащупать методологию исследования специфических целостностей, рождающихся, как все человеческое, на стыке духовного и материально, сознания и практической деятельности, познания и оценки. Причем, эти «духовно-практические» целостности имеют не только свою определенную детерминацию, но и участвуют в обратной афферентации, обладают значительным властным ресурсом, задают не только когнитивно-предметные области, но и через предметно-смысловые аспекты формируют новые реальности и миры, в которых, как в объективной реальности, данной нам в ощущениях, живет человек. Отсюда важно выделять и подвергать тщательной инвентаризации и изучению различные аспекты дискурса травелога (или травелог-дискурса): а) семиотический (мир знаков и значений); б) ценностно-аксиологический (мир ценностей и смыслов); в) властно-прагматический (ибо это всегда набор антропологических практик (практик себя, способов конструирования социальности, приемов и способов смысло-жизненного

ориентирования человека в мире), а также разнообразных социальных институтов, обладающих властными ресурсами.

Семиотический аспект травелог-дискурса прежде всего нацеливается на «инвентаризацию» мира знаков, в которых реализуется ряд архетипических категорий и мифологем, обращая внимание на то, что они очерчивают определенные предметные (теоретические и практические) области; задают определенный набор смысло-жизненных ориентаций, в поле зрения которых только и интерпретируются герои, события, предметы, действия. Огромную роль играет властно-прагматический аспект дискурса травелога: даже поверхностный взгляд показывает нам колоссальное воздействие на жизнедеятельность современного общества различных вариантов и отдельных категорий этого дискурса. Вспомним, как болезненно переживается обществом «застой» (стояние на месте), «исторические тупики» («не туда, не в том направлении «двигалось» общество), «регресс» (попятное движение), «ускорение» («большой скачок», «перестройка и ускорение», «прыжок азиатских тигров» и т.п.). Не меньшее интеллектуальное и эмоциональное переживание связывается с различными вариациями категории «Путник» (ведь это и «Вождь» (какой?), это и члены общества – то ли бредущие неведомо куда, то ли в ужасе бегущие, то ли победоносно шествующие). Все эти элементы дискурса травелога самым активным образом используются для смысло-жизненного ориентирования и принятия решений (потому что «Путь» – это еще и «Древо», «Древо познания Добра и Зла», «дерево решений», выбора («дороги, которые мы выбираем»)).

Н.А. Быкова, Е.А. Куликова

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК БЕГСТВО ОТ СЕБЯ

Быкова
Н.А.

УрГУПС,
г. Екатеринбург

Куликова
Е.А.

УрГУПС,
г. Екатеринбург

Бегство от себя ... Все-таки что-то в этом есть. Когда ты оказываешься один в совершенно незнакомом и загадочном мире, вырванный из привычного

окружения (надолго вырванный! лучше навсегда!), что-то в тебе потихоньку начинает просыпаться. Ты снова чувствуешь себя ребенком, исследующим

мир, которого не надо учить удивляться, радоваться и плакать. Все, что раньше было для тебя таким важным и значительными, становится мишурой, которую не жалко выбросить в придорожную канаву. Теперь ты такой, каков ты есть на самом деле.

Реальный мир будничен и невзрачен. Рутин и скука – обычные спутники земного обывателя. Его образ жизни вписывается в традиционную схему: исполнение обязанностей (служебных, домашних и др.) – отдых от исполнения обязанностей – исполнение обязанностей – отдых... Для того чтобы вырваться из этого круга, надо совершить определенные усилия. Эти усилия также весьма банальны: отправиться в путешествие, сменить декорации, местожительство, увлечение и т.п. В понимании известного психоаналитика и философа Эриха Фромма, все перечисленные способы есть «бегство от себя». Но бегство – в реальный мир.

В последнее время все чаще встречаются люди, которые, достигнув определенных карьерных высот и социального положения, бросают все ради мечты жить в теплой стране. Их вдруг перестают волновать непереносимые атрибуты успеха (большая зарплата. Модная машина и др.). Главное – чтобы солнце светило круглый год и не было стресса. Таких людей называют дауншифтерами. Например, подающий большие надежды сын бизнесмена, окончив американский вуз и получив предложение работать на Уолл-стрит, золотой мальчик уезжает в Африку помогать голодающим детям. Супруги, управляющие крупным бизнесом, продают его и уезжают в Египет. Сегодня у них есть небольшая школа дайвинга на побережье Красного моря. Доходы, конечно, несравнимы с прежними, но здесь они живут в полной гармонии с собой. Рижский бизнесмен переехал в Таиланд и живет на проценты, не переживая по поводу того, что в Риге мог бы заработать раз в 10 раз больше. Во всех этих историях – схема типичного дауншифтинга: человек многого добился, но неожиданно бросил все ради мечты.

Дауншифтинг бывает идейным и не очень. Кто-то переезжает в бедную африканскую страну, чтобы помогать другим, а кто-то приобретает бунгало на океанском побережье с одной лишь целью – наслаждаться жизнью. Кто-то меняет место жительства, но продолжает работать по профессии.

Дауншифтером руководит желание вырваться из замкнутого круга бесконечного потребления и цен-

ностей, навязываемых обществом, ради жизни для себя, своей семьи и психологического комфорта.

В последнее время возникло новое понятие – синдром Гоа. Именно на этот райский индийский остров направляются многие вчерашние топ-менеджеры и бизнесмены.

Еще одно популярное направление для дауншифтинга – Юго-Восточная Азия. Это не удивительно: там совсем иное восприятие жизни, люди не одержимы богатством и никого не впечатляет заявление о том, что ты бросил все на родине, чтобы просто наслаждаться жизнью.

Финансовый вопрос не главный для дауншифтера. Собственных накоплений плюс денег, полученных за распроданные вещи (машина, мебель и т.д.), вполне хватит на первое время. А потом можно открыть собственное дело на далеких островах – открыть бар под пальмами, засесть за книги, картины или заняться фотоохотой.

В любом случае, за дауншифтингом должен следовать апшифтинг. То есть, сначала ты добровольно спускаешься по лестнице чужих ценностей, а потом начинаешь медленно подниматься по лестнице своих собственных и стремишься к тому, что важно именно для тебя. Дауншифтинг – это и есть спуск по лестнице чужих желаний и целей ради начала новой жизни.

Движение дауншифтинга началось на Западе на рубеже XX–XXI веков как вызов в ответ на требования известных цитаделей коммерческой стабильности, таких как Procter&Gamble, Mars и др. Как раз такие компании и являются основными производителями дауншифтеров – корпоративная этика требует многого, давая взамен лишь деньги и статус, значащие для человека далеко не все. В итоге в крупных корпорациях стало появляться все больше корпоративных бунтарей, неожиданно бросающих все и уезжающих в места, где на работу не нужно ходить в костюме и галстуке. Или вообще не нужно ходить.

Сегодня дауншифтинг как социальное явление набирает обороты. Исследование, проведенное в Австралии, показало, что за последний десяток лет около 23 процентов жителей самого маленького континента перешли на более скромный уровень жизни. И там, и в других странах дауншифтеры объединяются, помогая друг другу добиваться новых целей. Их общая задача – к 2015 году обратить в свою веру каждого второго.

Покорение новых земель – еще одно неисконное желание человечества. В этом смысле мы мало отличаемся от животных, разве что масштабами территорий, которые стремимся «пометить».

Что чувствует человек, отправляющийся в путешествие – в командировку, в отпуск на море, в альпинистский поход? Эйфорию, возбуждение, выпадение из реальности. Ведь перемена места есть перемена времени. Отправляясь в путешествие, человек выпадает из линейного времени в некую область настоящего, позволяя себе погрузиться в «здесь и сейчас», хотя частенько кажется, что жизнь, не обремененная прошлым и будущим – не настоящая. Это объясняется, в частности тем, что путешествие обычно проходит в состоянии измененного сознания, своеобразного транса. Нет, мы понимаем – кто мы, где мы, но... Часто нам удается отложить мысль о возвращении к повседневности до самого трапа самолета. Человеку совершенно необходимо почувствовать себя в настоящем, избавиться от линейного времени, ибо только в этот

момент он становится самим собой. Но ощущая вину перед прошлым и будущим (долги, обязательства, планы), он объявляет настоящее ненастоящим и может позволить его себе только в качестве отпусковой роскоши.

Путешествия являются одним из немногих социально одобряемых способов выпадения из реальности (в отличие от наркотиков, алкоголя, азартных игр). Линейное время плохо действует на психику человека, и каждый время от времени находит лазейку, чтобы из этого времени сбежать.

Есть три основных причины, по которым человек отправляется в путь: **бегство, поиск и возвращение**. Бегство от себя, поиск себя, возвращение к себе.

Вот и мы, как древние герои, подсознательно желаем в конце путешествия достигнуть чуда обновления, настоящего праздника. Но чаще путешествие не имеет конца потому, что мы духовные и душевные проблемы пытаемся решить путем перемещения в пространстве, а линия горизонта удаляется бесконечно.

Р.А. Зайнетдинова

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ СТРУКТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Ю. ЛОТМАНА

Зайнетдинова
Регина Аликовна

старший преподаватель
ИМС

По выражению В.А. Канке, начиная с Ф. де Соссюра «лингвистика зазывает философию к себе в гости, в дом языка»¹. В свою очередь, философия не уходит из этого дома без подарков: лингвистические методы проникают в исследовательские программы гуманитарного знания. Швейцарский

ученый считал лингвистику частью семиотики (семиологии, в его версии) – более общей науки. Семиотика как наука и как метод своим появлением и развитием обязана не только Соссюру, но и англо-американской ветви, представленной Ч.С. Пирсом и Ч. Моррисом, но в соссюрианском наследии семиотика тесно связана с другим методом – структурным. Язык – центральный и единственный объект лингвистики – рассматривается Соссюром как структура: со своими элементами, устойчивыми подсистемами различных уровней, определенными отношениями между элементами и подсистемами. Отсюда берет начало структурная лингвистика Р.О. Якобсона и Н.С. Трубецкого, структурное литературоведение В.Я. Проппа и Ю.Н. Тынянова, структурные методы в анализе социальных и культурных явлений французских исследователей – Р. Барта, А. Греймаса, К. Леви-Стросса, Ж. Лакана, М. Фуко.